
О.Г. Исупова
(Москва)

КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МЕТОДА

В статье изложены основы разговорного анализа как методологии, метода и техники. Значительная часть работы посвящена рассмотрению одного из конкретных разговорно-аналитических исследований, осуществленного Г. Саксом.

Ключевые слова: этнометодология, разговорный анализ, практика, индексность, рефлексивность, Членство, объясняемость, контекст, идеализация, узнаваемые описания, речевой акт, адъяцентные пары, секвенциальная имплицативность.

Термин *разговорный анализ* (анализ разговоров) был введен в научный оборот Г. Саксом, работавшим в рамках *этно-методологического* подхода¹ к социальной реальности. Разговорный анализ основывается на методологических принципах *интерпретативной парадигмы, конструктивистском* видении действительности. Там, где «позитивистская» или «реалистическая» социология видят «вещь», «данность», «жизненный факт», этнометодолог видит осуществление, становление, процесс, пу-

Ольга Генриховна Исупова – Ph.D Манчестерского университета (Великобритания), научный сотрудник Института социологии РАН

¹ Этнометодология – это **эмпирическое исследование способов**, применяемых людьми для придания смысла своей повседневной деятельности и одновременно для осуществления привычных действий: общения, построения рассуждений, принятия решений. Автором этого подхода считается Г. Гарфинкель [см. 4].

тем которого кажущиеся стабильными свойства социального мира постоянно вновь создаются и поддерживаются.

Основные понятия этнометодологии – это, во-первых, **практика**, или *постоянное воссоздание* социальной реальности в описанном выше смысле, процесс повседневной деятельности людей, или *акторов*, по производству и обработке информации в ходе языкового взаимодействия.

Во-вторых, **индексность**, отражающая все контекстуальные определения, которые имплицитно связаны с каждым словом, т.е. все понятия, которые в разных обстоятельствах могут быть им обозначены, поскольку слово имеет не только надситуационное значение, но и множество значений, определяемых ситуациями своего использования. Слова обретают свой полный смысл лишь в контексте своей актуализации, становясь «индексированными» в ситуации лингвистического обмена. Естественный язык, с точки зрения этнометодологов, не может иметь смысла, независимого от обстоятельств его использования и проговаривания, и поэтому язык можно анализировать только относительно ситуаций его актуализации. Анализ такого рода не имеет логического предела, поскольку число возможных ситуаций использования каждого слова бесконечно.

В-третьих, **рефлексивность**, означающая постоянное сопоставление действия с его описанием, имплицитными кодами (например, код придания *значения*, код *упорядочивания*, код *рационализации*) поведения человека в той или иной ситуации. Описания становятся составной частью «описанного» действия. Описание и совершение действия, его понимание и выражение этого понимания считаются равными друг другу.

В-четвертых, **объясняемость**, подразумевающая способы, используемые людьми для того, чтобы сделать свою повседневную деятельность рациональной по видимости и поддающейся описанию для любых практических целей. *Объясняемость*, или процесс непрерывного воссоздания «здравого смысла», придает организованность повседневным действиям.

Две главные характеристики объясняемости – это, во-первых, *рефлексивность*, и, во-вторых, *рациональность*, поскольку повседневная деятельность познаваема, предсказуема, поддается описанию и может быть оценена с точки зрения своей рациональности.

Последнее, пятое основное понятие этнометодологии – это **Членство** (именно так, с прописной буквы), подразумевающее (со)участие в коллективном процессе постоянного воссоздания естественного языка, назначения новых смыслов словам. Особенно важным для этнометодологов и конверсационалистов становится изучение детских способов говорения как пути овладения мастерством языка и последующего обретения Членства, после чего у индивида больше нет необходимости каждый раз думать, что он делает, прежде чем начать разговор. Он (она) уже знает рутинные правила и практики своего языка. Правила интериоризированы и теперь творчески применяются [8, р. 32–38].

Что такое конверсационный анализ

Конверсационный анализ, т.е. изучение структур и формальных свойств языка, рассматриваемого в его социальном использовании, имеет отношение ко всем основным направлениям этнометодологических исследований.

Изначально конверсационный анализ предполагал изучение именно и только устной бытовой речи, более того, только разговоров между несколькими собеседниками. Г. Сакс, создатель метода, привлек внимание ученых к тому, что разговоры центральны для социального мира. Речь – это самый древний, а также наиболее всеобъемлющий и влиятельный социальный институт. Большая часть происходящих в мире процессов осуществляется через посредство устных разговоров. Через речь ребенок начинает познавать социальный мир, овладевать речью – т.е. искусством быть человеком.

Разговор прежде всего нуждается в организованности, подразумевает наличие *порядка*, который не надо постоянно вновь объяснять в ходе обмена репликами. Порядок также необходим для того, чтобы произносимое было понятно всем участникам беседы. В разговоре проявляется социальная, интерактивная компетентность людей, стремящихся объяснить свое поведение, а также проинтерпретировать поведение собеседников. Внутри локальных *секвенций*¹ разговора, и только там, социальные институты окончательно «*проговариваются в существование*». В результате мельчайшие и на первый взгляд незначимые детали беседы оказываются на самом деле средством актуализации важнейших социальных институтов.

Целью конuersационалистов является описание *социальных практик и ожиданий*, на основе которых собеседники конструируют свое собственное поведение и интерпретируют поведение другого.

При этом вклад каждого из участников в интеракцию будет контекстуально ориентированным, так как он одновременно сформирован контекстом и обновляет его. Под *контекстом* здесь понимается непосредственно предшествующая данной реплике конфигурация действий (высказываний), т.е. *локальный* контекст. Актуализирован, однако, и *институциональный* контекст привычных практик конструирования разговора на определенную тему в конкретной ситуации (например, во время экзамена в высшем учебном заведении; на приеме у врача; и т.д.). На основе знания о совокупности предшествующих высказываний, соединенного со знанием о «нормальных» способах достижения людьми определенных целей, почерпнутым из языкового опыта, включая знание принятых способов формулирования вопросов и ответов, мы мо-

¹ Для конuersационалистов секвенция – это последовательность нескольких реплик, содержательно и организационно внутренне связанная, а также очевидно (содержательно и организационно) отделяющаяся от остального текста.

жем судить о вероятных целях и мотивах участников беседы. Взаимные интерпретации причин поведения друг друга, осуществляемые участниками на «поверхности» разговора, являются лишь стартовой точкой для интерпретативной и аналитической работы исследователей, а не представляют собой окончательно объяснения смысла того, в чем заключаются понимание ситуации участниками разговора и/или их намерения.

Конверсационный анализ дает *преимущество случаям* в противовес *идеализации*, неизбежно связанной, с точки зрения Гарфинкеля и Сакса, с любым теоретическим обобщением. По их мнению, идеализация мешает научному развитию, так как любая типология слабо связана с содержанием реальных случаев, на которых она якобы основывается. Сакс стремился развить такой метод анализа, который позволял бы оставаться на уровне первичных данных, сырого материала, специфических, единичных событий человеческого поведения. В противовес классической социологии, он утверждал, что детали любой спонтанной человеческой интеракции строго *организованы* – до степени, *позволяющей их формальное описание*.

Исходя из вышеизложенных предпосылок, особенности конверсационного анализа можно сформулировать следующим образом. Во-первых, этот метод *следует за данными*, т.е. анализ базируется на эмпирии без привлечения (по возможности) заранее сформулированных гипотез. Во-вторых, мельчайшие *детали* текста рассматриваются как аналитический *ресурс*, а не как помеха, которую надо отбросить. В-третьих, авторы метода убеждены, что *порядок* в организации деталей повседневной речи существует не только для исследователей, но и – прежде всего – для людей, конструирующих эту речь.

Именно в этом главное отличие подхода Сакса от классической социолингвистики [см. 1; 2], в которой бытовая повседневная речь считалась неподходящим объектом для исследования, поскольку она представлялась перегруженной *случайными*

факторами, делающими любую попытку анализа проблематичной. Сакс сумел показать научному миру *когерентность* и осмысленность естественного разговора во всей ее сложности, тонкости и нюансированности.

Особенности конверсационного анализа как метода

Согласно Дж. Херитэджу [4], три основных постулата конверсационного анализа можно сформулировать следующим образом:

1. Вербальное *взаимодействие* является *структурно организованным*.

2. Вклад, вносимый каждым из участников в интеракцию, *контекстуально ориентирован*. Процесс *индексирования* высказываний к контексту неизбежен.

3. Эти особенности естественной речи актуализируются в *каждой* детали интеракции, так что *нельзя пренебречь ни одной из них* как малозначимой, случайной или «неправильной».

Эти постулаты изначально трактовались исследователями так, что представлялось возможным лишь изучение *устных спонтанных интерактивных текстов*. Все остальные виды текстовых данных отвергались. Так, например, *интервью* не признавалось конверсационалистами за «истинный» разговор, поскольку в процессе интервьюирования заданная формулировка подменяет собой естественное словесное поведение. Описание *наблюдения*, если «дневник наблюдения» был составлен заранее, также отвергалось из-за недостаточной естественности, спонтанности текста. Основанный на интуиции рассказ *участника событий* о произошедшем также не принимался, поскольку считался основанным на интерпретативных схемах «здравого смысла», а любая интерпретация – это идеализация, ведущая к потере части естественного смыслового богатства. Отвергался и *эксперимент* как метод, манипулирующий естественным поведением, что ведет к безвозвратной потере деталей, подменяющихся все той же идеализацией. Более того, конверсационали-

ты предпочитали бытовые беседы *интеллектуальному, религиозному или бюрократическому дискурсу.*

В конечном итоге, однако, все отвергнутые виды текста были признаны за достойный объект исследования, поскольку все они так или иначе основаны на естественном языке, формируясь как его подразделы.

Порядок очередности высказываний

Согласно одному из основных допущений конверсационного анализа, естественная речь строго упорядочена, и эта упорядоченность имеет социальный смысл. Соответственно, любой естественно возникающий разговор имеет некую *ось*, основу своего порядка. Реплики также организованы *локально*. Изучение одной из таких осей, а именно порядка *очередности высказываний*, получения *права* говорить как борьбы за влияние между участниками стало одной из основ для исследования социальной организации разговора конверсационалистами.

Языковая интеракция структурирована определенной организацией действий, осуществляемой на основе *очередности речевых актов*. Это позволяет систематически поддерживать контекст *межличностного понимания* последовательно возникающих в разговоре *ситуаций*. Устанавливая очередность высказываний, участники демонстрируют друг другу свое *понимание «состояния разговора»*, возникающее как *побочный продукт* их последовательно организованной речевой деятельности, поэтому тема понимания и определения актуальной ситуации очень редко возникает на *«поверхности»* разговора. Упорядоченность очередности взятия слова освобождает участников от необходимости постоянно утверждать и подтверждать понимание действий друг друга. Взаимопонимание, используя термин Гарфинкеля, проявляется *«воплощенно»* в секвенционно организованных деталях разговорного взаимодействия, т.е. оно как бы *«встроено»* в эти детали.

Очередь, или *право высказаться* в данный момент, предоставляется участнику дискуссии в соответствии с совокупностью правил локального характера (от предыдущего «места в очереди» к последующему). Эти правила могут пониматься как механизм деления некоего «пирога», т.е. механизм, с помощью которого дефицитный ресурс – *возможность говорить* – распределяется между собеседниками. Работа этой системы основана на наделении участников минимальными единицами, или «долями», говорения. Каждому из участников «выделяется» одна такая «единица», например, фраза, или тематическое высказывание. После произнесения им этой единицы, право говорить передается следующему собеседнику. В результате все оказываются вовлеченными в *организованное коллективное действие*, окончательные форма и содержание которого лишь частично находятся под контролем каждого. Тот, кто высказывается в первую очередь, в значительной степени задает интерпретативные рамки для всех последующих высказываний; с другой стороны, говорящий следом имеет большую власть над высказыванием первого как интерпретатор, поскольку он на эти слова непосредственно отвечает. Организация очередности разговора имеет (локально) нормативный характер. Собеседники также могут использовать друг друга для приглашения, приветствия или прекращения речи третьих лиц, участвующих в общем разговоре.

В ходе дискуссии достигается согласие участников относительно конструирования общего, разделяемого всеми собеседниками, смысла происходящего. В этой связи интересен анализ ситуаций взаимного непонимания, связанных с ним конфликтов, вообще случаев «девиации», нарушения порядка разговора и процедур последующего восстановления самими участниками порядка и временно утерянного «общего для всех» смысла ситуации.

Вследствие потребности в приемлемом для всех значениях происходящего, которое не может быть задано раз и навсегда, а непрерывно создается в процессе интеракции, участники беседы стремятся любой ценой избегать конфликтов, разрушающих та-

кой общий смысл. В некоторых своих исследованиях конверсационалисты показывают «техники», с помощью которых собеседники справляются с потенциально конфликтными ситуациями. Например, объяснения для отказа выполнить просьбу собеседника обычно выбираются такие, чтобы не подвергать сомнению права запрашивающей стороны, а также основу отношений между сторонами, а именно, ссылку на обстоятельства, которых запрашивающая сторона имеет право не знать, т.е. на субъективные обстоятельства отвечающей стороны. Попытка выяснить субъективные обстоятельства другой стороны перед тем, как высказать свою просьбу («откладывание просьбы»), помогает как запрашивающей, так и отвечающей стороне – одному предоставляет почву для отказа в необидной форме, другому же дает возможность понять, стоит ли высказывать просьбу.

Еще один тип исследований конструирования упорядоченности разговора его участниками – это «создание» и «узнавание» «правдоподобных», релевантных описаний, основываясь на «присущем Членам знания» [9, р. 329–345].

Наиболее локализованы и детальны конверсационалистские исследования организации естественной речи, посвященные так называемым *адъяцентным (соседствующим) парам*. Так Г. Сакс назвал непосредственно примыкающие друг к другу вопрос и ответ, если, вследствие социальных ожиданий, они связаны друг с другом единственно возможным образом.

Феномен адъяцентных пар основывается на понятии *парных действий*. Речь идет о том, что с помощью *реплик* собеседники осуществляют некие *действия*, определяемые местом расположения этих реплик в тексте. Поэтому высказывания участников можно называть *речевыми актами*. Иначе говоря, *высказывания являются действиями*, и они *последовательно организованы*. Первичной единицей анализа при таком подходе становится *последовательность реплик (секвенция, см. сноску на с. 36)*, а также связь и очередность высказываний внутри секвенции.

Анализ базируется на допущении, утверждающем, что совершение речевого действия подразумевает локальное, происходящее «здесь и сейчас» *«определение ситуации»*, на которое ориентируется разговор в своем развитии. Например, очередное высказывание одного из участников задает проект релевантного последующего действия или нескольких действий, которые должны быть осуществлены следующим по очереди участником. Это называется *«секвенционной имплицативностью»* очередности разговора [7, р. 289–327]. Такая имплицативность заметнее всего именно в конвенционально распознаваемых парных действиях, таких как *вопрос–ответ, просьба–удовлетворение/отказ, приглашение–принятие/отказ* и т.д. Если один собеседник задает вопрос, то реплика второго обязательно будет ответом. Секвенционная имплицативность позволяет участнику разговора более детально распознавать, например, характер вопроса: является ли он *экзаменационным*, или *истинным*, по Серлю [11]¹.

По мнению Сакса, адъяцентным парам свойственны пять базовых характеристик. Во-первых, адъяцентная пара – это *последовательность двух действий*. Во-вторых, эти действия *непосредственно примыкают* друг к другу. В-третьих, они *произведены разными людьми*; в-четвертых, *упорядочены как первая и вторая часть*. И, наконец, в-пятых, они *типологизированы* так, что первая часть *задает вторую часть определенного вида* (или *ранг* возможных вторых частей). Характерно, что если релевантная вторая часть имеет место сразу после первой, она рассматривается как не заслуживающая никакого специального объяснения. Релевантно произведенное последующее высказывание не требует специального объяснения. С аналитической точки зрения нормативно институционализируемая последовательность действий

¹ По Серлю, различие между «настоящими» и «экзаменационными» вопросами заключается в том, что в первом случае говорящий хочет знать *ответ*; во втором случае он хочет знать, *знает ли слушатель ответ*.

просто произошла. Если же вторая часть адъяцентной пары не наступает немедленно и непосредственно после первой, объяснение становится необходимым. Участники в качестве *Членов* сообщества, владеющих естественной речью, начинают строить предположения относительно мотивов, намерений, верований и т.д. того человека, который «виновен» в том, что вторая часть не осуществилась, а также стараются «починить» наступающий в результате разрыв смысловой ткани. Например, если не происходит немедленного ответа на вопрос, то его обычно повторяют, и отвечающая сторона в конце концов вынуждена хоть что-то сказать, хотя бы как-то объяснить отсутствие ответа, например, сославшись на неизвестные спрашивающему обстоятельства.

Объяснение может быть предоставлено стороной, чье поведение не соответствовало ожиданиям; альтернативно «ненормативное» речевое поведение может стать объектом рассуждений противоположной стороны и быть объяснено обстоятельствами производства действия или ролевой идентичностью, особенностями личности, целей, мотивов и т.д. стороны–нарушительницы. Именно через подобные девиации «мотивы» и «личностные черты» собеседников становятся видимыми. Пока же «маска вежливости» не снята, конвенции соблюдаются, участники странным образом практически ничего не знают друг о друге.

Анализ адъяцентных пар необычайно важен для конврсационалистов, так как он служит основой для более тонких и сложных видов анализа. Кроме адъяцентных пар, где следование частей друг за другом весьма строго, может происходить чуть ли не единственным образом, изучается и последовательность высказываний (речевых действий) в случаях, когда связь между высказываниями намного менее очевидна. Однако и здесь возникает некая зависимость, основанная на самом факте соседствования высказываний. Реплика, следующая непосредственно за другой репликой, понимается как прозвучавшая «в некотором смысле» в ответ или, шире, состоящая в некотором отношении со своей непосредственной

«предшественницей». Говорящие могут рассчитывать на то, что *место* произносимого ими в общем разговоре вносит определенный вклад в смысл высказывания как речевого акта.

Примеры исследований

По мнению Дж. Херитэджа [4], для конврсационалистских исследований характерны *тематическая широта, разнообразие, подробность и особый стиль*.

Ученые, работавшие в рамках представляемого подхода, обращались, например, к изучению роли взгляда и жеста в разговоре. Но наиболее популярным в их среде почему-то стало исследование устной коммуникации в различных институциональных окружениях, например, языковые практики полицейского участка, государственной больницы и т.д.), т.е. изучение *формальной речи*. Впрочем, как было отмечено выше, для конврсационалистов формальная речь – это усеченная и усиленная в оставшейся части повседневная речь. Кроме того, институциональные формы разговора не обязательно привязаны к институциональному окружению, они могут возникать и в бытовой действительности, какая-то часть естественного повседневного разговора может оказаться институциональной, если обстоятельства разговора обуславливают *индексирование* к некоторому институту.

В рамках изучения как институциональной, так и бытовой речи конврсационалисты уделяли особое внимание общению между людьми одинакового статуса. С точки зрения исследователей представляемого направления, общение людей двух разных статусов – это лишь вариант естественного языка, строящийся из языковых практик людей каждого из статусов. Поэтому сначала надо понять базовые особенности речи обоих собеседников, а это легче сделать, изучая беседы между равными по социальной позиции людьми.

В начальный период развития метода было проведено множество исследований разговоров по телефону, поскольку это по-

звоняло «отсечь» визуальные стимулы, делающие картину слишком сложной для конверсационалиста, ведь ученый этого направления, как было отмечено выше, не имеет права пренебречь ни одной, даже самой мельчайшей и внешне бессмысленной, деталью. С таким отношением к деталям связаны и требования конверсационалистов к технике транскрибирования, заключающиеся в том, что записываться должны не только слова (в точности так, как они произносятся, с диалектными особенностями и т.д., даже если говорят несколько собеседников одновременно), но и все междометия, нечленораздельные звуки, смех (записываемый так, как он слышен, а не просто отмечаемый как «смех»), вздохи, кашель и т.д. Методически наилучшим считается полный отказ от транскрибирования, поскольку конверсационалисты не верят в человеческое совершенство в отношении точной передачи звуков. Исследование транскрибированного текста часто заменяется ими «сессиями» коллективного (для уменьшения степени субъективности интерпретации) прослушивания магнитофонных записей изучаемых разговоров, причем одно и то же место на кассете прокручивается несколько раз, после чего все (также несколько раз после каждого раунда прослушивания) высказывают свои мнения относительно возможного смысла исследуемого куска текста.

Еще одной излюбленной темой конверсационалистов стало изучение способов разрешения взаимного непонимания, возникающего в разговоре, поскольку это позволяло делать обобщения относительно того, как *речевые действия* могут способствовать поддержанию *социальной солидарности*. Механизмы «починки» разговора исследовала, например, Г. Джефферсон [5, р. 181–199].

По мнению Дж. Херитэджа, заслуживают особого внимания также исследования Boden & Zimmerman, 1991; Drew & Heritage, 1992; Psathas, 1995; Sacks, 1992; Schegloff, 1968, 1990.

«Малыш плакал. Мама взяла его на руки»

Ярким примером применения конверсационалистского подхода, на взгляд автора статьи, можно считать проведенный самим Г. Саксом [9] анализ двух первых фраз из «истории», рассказанной девочкой двух лет и девяти месяцев автору книги «Дети рассказывают истории». Эти две фразы вынесены в подзаголовок: «The baby cried. The mommy picked it up» («Малыш плакал. Мама взяла его на руки»). Сакс выбрал этот небольшой текст именно потому, что он может на первый взгляд показаться крайне субъективным, случайным, неанализируемым. Целью исследователя было показать возможность насыщенного, релевантного и доказательного анализа этих фраз. Перейдем к краткому изложению логики предложенного Саксом подхода.

Итак, во-первых, когда мы слышим: «*Малыш плакал. Мама взяла его на руки*», первое, что приходит нам в голову – это что «мама» в данном случае является мамой именно этого малыша, хотя в тексте нет на это прямых указаний. Причем такое соображение приходит в голову не только исследователю, а всем людям или по крайней мере большинству «носителей естественного языка».

Итак, мы имеем два предложения, Сакс обозначил их как S1 и S2, содержащих сообщения о событиях, отмеченных им O1 и O2. И мы слышим высказывание так, что *если S2 следует за S1, то O2 следует за O1*. Более того, мы слышим это так, что *O2 происходит по причине O1*, т.е. *O1 служит обоснованием для O2*.

Первое объяснение указанным фактам (согласно Саксу еще не социологическое, а такое, которое способен дать любой из «Членов сообщества естественного языка») может быть следующим: мы считаем, что на руки ребенка берет именно его мать, потому что она является человеком, который должен был бы взять его на руки, и, поскольку она должна взять его на руки, а он был взят на руки кем-то, кто мог бы быть его матерью, значит, это она и была или весьма вероятно она и была.

Далее, несмотря на то, что не любые две последовательные фразы, сообщающие о неких двух событиях, могут быть услышаны так, что эти события произошли в том же порядке, в котором о них говорится, все же, если события должны были бы произойти именно в таком порядке и если не имеется информации о том, что это было не так (например, выражения в начале второй фразы «перед этим, однако»), значит, последовательность высказываний соответствует последовательности событий. Если малыш плакал, это *должно было бы* начаться перед тем, как мама взяла его на руки, а не после этого. Если мы слышим это так, значит, вторая фраза объясняется первой, если же они не связаны таким образом или второе событие предшествовало первому, необходимо дополнительное объяснение. Поскольку же никакого объяснения нет, мы можем предположить, что в нем и не было необходимости, а, значит, первое событие предшествует второму и объясняет его.

Все это понятно «Члену сообщества естественного языка» без уточнения, о каком конкретно ребенке и о какой маме идет речь. Представленная пара предложений, видимо, удовлетворяет неким критериям, согласно которым «Член сообщества» воспринимает, «узнает» данную пару предложений как «возможное описание». Они «звучат похоже на описание». Для того чтобы признать некоторую совокупность слов как возможное описание, нет необходимости описывать события излишне подробно.

Это показывает власть культуры над нами в ее тончайших проявлениях. Согласно Саксу, она воздействует на разных людей не грубо и приблизительно одинаково, а так, что мы тем не менее одинаково себя проявляем в тончайших деталях распознавания значений.

Продолжая анализ, Г. Сакс вводит понятие «*механизм категоризации членства*» (или просто *механизм категоризации*). Согласно его определению, это любая совокупность категорий членства, содержащая по крайней мере одну категорию, которая может быть приложена к некоторой популяции, состоящей

как минимум из одного Члена, так чтобы предоставить на основе использования некоторых правил применения возможность объединения в пару не менее чем одного члена популяции и одной категории из механизма категоризации. Механизм, таким образом, это совокупность категорий плюс правила их применения. Совокупность же состоит из категорий, которые неким специфическим образом «совмещаемы», по выражению Сакса.

Например, слова «малыш» и «мама» могут быть услышаны как категории из одной и той же совокупности, состоящей из таких категорий как «малыш», «мама», «папа», «...», механизм которой можно назвать «семья». При этом обозначение «...» приводится для того, чтобы подчеркнуть наличие других (но не любых других) категорий в данной совокупности.

Первое *правило применения* механизма заключается в том, что если Член языкового сообщества использует одну из категорий из какого-либо механизма категоризации, это можно услышать как совершение адекватного указания на соответствующий объект. Нет необходимости использовать несколько категорий из механизма для совершения адекватного указания на него, достаточно одной. Таким образом, можно сформулировать правило «*референционной достаточности*», или «*правило экономии*», состоящее в том, что *единственная категория из любого механизма категоризации может быть референционно адекватной.*

Второе правило можно назвать правилом «*внутренней непротиворечивости*». Оно состоит в том, что, если категоризируется некоторая популяция людей и при этом какая-либо категория из совокупности некоторого механизма приписывается первому Члену популяции, значит, эта же категория или другие категории из той же совокупности могут быть приписаны остальным Членам данной популяции. Это правило можно также назвать «*правилом релевантности*».

В применении к анализируемой фразе правило экономии позволяет рассказчику дать «адекватное указание» на малыша, за-

тем правило «внутренней непротиворечивости» утверждает, что, если первый человек был обозначен как «мальш», значит, следующие члены популяции могут быть обозначены теми же или другими категориями из совокупности, заданной указанием на «мальша», т.е. словами «мама», или «папа», или «...».

Существует и следствие из правила «внутренней непротиворечивости» – «*максима слушателя*» (согласно Саксу). Оно состоит в том, что если две категории или более используются для обозначения двух или более Членов некоторой популяции, и эти категории могут быть услышаны как категории из одной и той же совокупности, тогда слушатель должен именно так их и воспринимать. Дело в том, что многие категории из *механизмов категоризации Членства* являются в некотором роде двусмысленными, так как это термины, принадлежащие к нескольким механизмам, имея в каждом из них разные референции. Например, «*мальши*» возникает как в механизме «*семья*», так и в механизме «*стадии жизненного цикла*», совмещаясь там с такими категориями, как «*ребенок*», «*подросток*», «*взрослый*», «...». В некоторых случаях эти две категории «*мальши*» из двух различных механизмов могут использоваться для совместного адекватного указания, в других случаях – нет. Женщина, например, может говорить «мой мальш» о своем ребенке, который уже давно стал взрослым.

В таком случае «правило внутренней непротиворечивости» должно быть переформулировано следующим образом: если первый человек из популяции был охарактеризован как «мальш», последующие ее члены могут быть категоризированы терминами или из механизма «семья», или из механизма «стадии жизненного цикла». Однако, если мы имеем категорию для второго члена популяции, которая может быть услышана как внутренне непротиворечивая с одним из значений категории, использованной для первого члена популяции, тогда первая категория должна быть услышана как по крайней мере внутренне непротиворечивая со второй.

Далее Сакс показывает, почему «малыш» в изучаемых двух фразах является членом как совокупности «семья», так и совокупности «стадии жизненного цикла».

Во-первых, механизм «семья», по определению Сакса, *«дуликативно организован»*, т.е. каждый из членов этой совокупности занимает определенную позицию, которая может быть или пустой, или занятой только одним членом. Поэтому мы и слышим исследуемые две фразы так, что «мама» является мамой именно данного «малыша».

Во-вторых, нам сказано, что малыш «плачет». *Связанная с категорией деятельность – «плач»* – ассоциируется у нас как «Членов сообщества естественного языка» скорее с категорией «малыш» из механизма категоризации «стадии жизненного цикла», поскольку здесь такая деятельность является формирующей именно для категории «малыш». Для «ребенка», например, такая деятельность уже была бы «недостойной», низводящей его в более раннюю стадию жизненного цикла.

В связи с этим можно сформулировать *еще одну «максиму слушателя»*: если связанная с категорией деятельность совершается описываемым в высказывании членом какой-либо совокупности, притом что обозначение этого человека двусмысленно (т.е. оно является членом как минимум двух механизмов категоризации), тогда слушатель должен слышать высказывание так, что данный человек обозначается как минимум категорией из того механизма, с которым такая деятельность связана.

Сопоставляя эту максиму с вышеизложенным следствием правила «внутренней непротиворечивости», получаем, что категория «малыш» в изучаемом случае должна быть услышана как член одновременно двух механизмов категоризации – «семья» и «стадии жизненного цикла».

Далее Сакс использует пример этих же двух фраз для того, чтобы проиллюстрировать понятие *«возможного описания»* (см. выше). С его точки зрения, если мы видим два действия, которые

могут быть связаны через влияние нормы, требующей совершения второго действия в случае, если уже произошло первое и если при этом акторы, совершающие эти действия, могут рассматриваться как представители категорий, нормативно определенных как подходящие для совершения такой пары действий, тогда: а) данные акторы *должны* рассматриваться как члены соответствующей совокупности категорий, б) второе по порядку действие должно быть рассмотрено как осуществляемое в согласии с нормами, его совершение «правильно», поскольку слушатель–зритель проверяет «правильность» того, что он видит, опираясь на известные ему или ей нормативные представления. Таким образом распознаются «возможные правильные описания».

И, наконец, последнее, что Сакс решил отметить в связи с высказыванием «Мальш плакал. Мама взяла его на руки». С точки зрения исследователя, плач ребенка также является *подходящим началом* для детской истории, потому что дети имеют *ограниченное право говорить*, являясь «неполными» «Членами сообщества естественного языка», поскольку они еще не до конца овладели навыками, связанными с «Членством». Поэтому дети вынуждены использовать для начала своей речи как можно более «сильные» речевые действия. Только такие действия дают им право взять слово (и быть выслушанными). В данном случае для начала использовано сообщение о тревожном событии, когда необходимо вмешательство взрослого. Может быть также задан вопрос, требующий в качестве ответа со стороны взрослого опять-таки вопрос, что даст ребенку право в ответ рассказать целую историю («А знаешь, что?» – «Что?» – и затем следует история).

Таким образом, первая фраза – о плаче малыша – содержит «правильное начало» детской истории. Вторая же фраза, рассказывающая о согласном с нормами разрешении взрослым тревожной проблемы детского плача, составляет «правильный» конец такой истории.

Предложенная статья никоим образом не может считаться исчерпывающим изложением всего о разговорном анализе. Это лишь введение в тему, которое может быть продолжено при условии интереса Российского социологического сообщества к появлению такого рода информации на русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chomsky N.* Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965.
2. *Chomsky N.* Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957.
3. *Coulon A.* Ethnomethodology. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage, 1995.
4. *Heritage J.* Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge, UK: Polity Press, 1996.
5. *Jefferson G.* Error Correction as an Interactional Resource. *Language in Society*, 2.
6. *Pitcher E.G., Prelinger E.* Children Tell Stories: An Analysis of Fantasy. International Universities Press, 1963.
7. *Saks H., Schegloff E.* Opening up Closings // *Semiotica*. 1973. № 7.
8. *Saks H.* An Initial Investigation of the Usability of Conversational Data for Doing Sociology // *Studies in Social Interaction* / Ed. by D. Sudhow. N.Y.: Free Press, 1972.
9. *Saks H.* On the Analysability of Stories by Children // *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication* / Ed. by J.J. Gumperz, D. Hymes. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1972.
10. *Schegloff E.A.* Sequencing in Conversational Openings // *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication* / Ed. by J.J. Gumperz, D. Hymes. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1972.
11. *Searle J.* Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.